

УДК 94 (398.9); 94(38)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-15-28

Археология мифа (историографический аспект)

Писаревский Н.П.

Воронежский государственный университет,
394006, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Аннотация. Обращение к древнегреческой мифологии предполагает исследование некоторых вопросов истории изучения и теории мифа, комплекса мифологических представлений древних греков, а также проблемы соотношения религии и мифологии. Рассмотренные нами аспекты исследования мифа в специальной литературе позволяют вывести заключение, согласно которому он представляет собой специфический по своему содержанию, многослойный и многоуровневый, разноаспектный по затрагиваемым сюжетам, развивающийся в пространстве и во времени рассказ-историю или рассказ по истории, который отображает господствующие представления архетипического восприятия действительности в мифопоэтическом сознании.

Ключевые слова: античность, миф, история, мифоистория, маргинальность, трансцендентность, асимметрия

Для цитирования: Писаревский Н.П. 2022. Археология мифа (историографический аспект). Via in tempore. История. Политология. 49 (1): 15–28. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-15-28

Archeology of myth (historiographic aspect)

Nikolay P. Pisarevsky

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394006, Russia,
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Abstract. The appeal to ancient Greek mythology involves the study of some issues of the history of the study and theory of myth, the complex of mythological representations of the ancient Greeks, as well as the problem of the relationship of religion and mythology. The aspects of the study of myth in the special literature considered by us allow us to conclude that it is specific in its content, multi-layered and multi-level, multi-aspect in the affected subjects, developing in space and time, a story-story or a story based on history, which reflects the prevailing ideas of the archetypal perception of reality in the mytho-poetic consciousness. The problem of the relationship between myth and history - one of the most essential problems of historical knowledge - was one of the most demanded at all stages of the development of human society and its science as such. Myth and history, or myth versus history - an alternative that, with the filing of ancient science, turned into a constant companion for the study of the problem in the science of the New and Newest periods of its history.

Keywords: antiquity, myth, history, mythohistory, marginality, transcendence, asymmetry

For citation: Pisarevsky N.P. 2022. Archeology of myth (historiographic aspect). Via in tempore. History and political science. 49 (1): 15–28 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-15-28

Введение

Проблема соотношения мифа и истории – одна из самых существенных проблем исторического познания – являлась одной из самых востребованных на всех этапах развития человеческого общества и его науки как таковой [Андреев, 1990, с. 221; Манзура, 1997,

с. 26–46; Сазонова, 2006; Воронцов, 2012, с. 3–93; Клейн, 2014, с. 582–588; Доманина, Харина, 2017, с. 206–209; Finley, 1965, p. 281–302; Stumfohl, 1992, S. 33–46; Buxton, 1994; Heehs, 1994, p. 1–19; Burkert, 1999; Gehrke, 2014; Ben-Yeguda, 2019; Gehrke, 2019]. Истоки первоначального интереса в её разработке восходят к самой античности, характерной особенностью которой как цивилизации выступало рождение исторической мысли [Немировский, 1986, с. 18–19; Немировский, 2000, с. 6, 380].

Результаты и их обсуждение

С самого начала объектом её пристального внимания стал именно миф [Хайдеггер, 2013, с. 118; Цыганков, 2015]. В греческой историографии, как показывает знакомство с трудами её наиболее крупных представителей, историческое время восходит к мифическому периоду, который рассматривался в качестве предыстории того или иного народа. Основные персонажи мифологии были представлены либо общающимися с земными женщинами богами, либо рассматривались в качестве смертных героев, олицетворявших людей предшествовавшей эпохи, которые продолжали время от времени входить в контакт с богами лично [Топров, 1977, с. 13; Токарев, Мелетинский, 1987, с. 14–16]. А события мифологического прошлого, связанные с личностями отцов-эпонимов или отождествляемые с конкретными племенами и этносами древних греков, рассматривались в качестве генеалогических историй, содержащих разнотипные рассказы о далёком прошлом [Немировский, 2004, с. 4; Middleton, 2019]. И хотя в трудах античных философов такая связь, выраженная во взаимоисключающих и диаметрально противоположных оценках, время от времени подвергалась сомнению, мифология, так или иначе, отражала как процессы этно- и политогенеза общества греческих полисов и форм их государственности, так и степень соотношения между собой рационального и иррационального в общественном сознании времён архаики, классики и эпохи эллинизма [Ставицкий, 2002, с. 200–205; Воронцов, 2012, с. 91–95].

Оценки эти не только варьировались, но и подчас носили диаметрально противоположный характер. В частности, Аристотель полагал, что мифы создаются законодателями «для внушения толпе, для соблюдения законов и для выгоды закону» (Arist., VIII, 12, 9. 1074a). Одновременно, если внимательно разобраться в его рассуждениях о многократности изобретения искусств, станет понятным, почему Эвгемер Мессенский, как свидетельствует Диодор Сицилийский, считал, что в мифах заключена как история народов, так и деяния и подвиги героев, предков и т. д. (Diod., I, 4, 6) [Круглов, 2006, с. 363–374]¹⁵.

Миф и история, или миф против истории – альтернатива, которая с подачи античной науки превратилась в постоянную спутницу изучения проблемы в науке Нового и Новейшего периодов её истории¹⁶.

В 1-й пол. XIX в. она легла в основу романтического восприятия мифа, которое, инициируя теорию отражения, рассматривало его как продукт отражённого в мышлении самопонимания человека. Иными словами, результаты понимания мифа человеком и есть его сущность. Такая оценка мифа получила широкое распространение под мощным влия-

¹⁵ Идеи Эвгемера были возрождены в XIX в. Их развивал немецкий ученый О. Каспари. Под его влиянием к этой теории отчасти примкнул и Ф. Буслев. Подобным образом ученый и писатель XX в. Р. Грейвс объяснял мифы Греции. В его интерпретации сюжет похищения Европы Зевсом таит историю набегов эллинов-критян на финикия; оскопление Урана – мифологизация борьбы греков с доэллиническим населением страны. Отзвуки древних битв и духовных потрясений он видит и в гигантомахии, и в историях о борьбе греческих героев с чудовищными тварями. Мифы зарождались якобы в ситуации перехода от матриархальных к патриархальным отношениям. Убийство Персеем Медузы Горгоны, убийство Беллерофонтом ликийской Химеры – отражение победы вторгшихся в Грецию и Малую Азию «в начале II тыс. до н. э. «патриархальных эллинов». См.: [Грейвс, 1992, с. 93, 95–197].

¹⁶ Историографию проблемы см.: [Воронцов, 2012, с. 251–285; Козолупенко, 2012, с. 69–85; Wyatt, 2010, p. 83–91].

нием идей Иоганна Готлиба Фихте, Фридриха Вильгельма Иосифа фон Шеллинга и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Последний писал: «Сознание человека не только отражает мир, но и творит его... Сознание осваивает мир, во-первых, отражая, во-вторых, творя, преобразая, переосмысливая в соответствии с ранее накопленным опытом» [Архипцев, 1974, с. 55–64].

Самым же важным тезисом, который защищали представители романтического направления был тот, согласно которому «... «миф», как и поэзия, тоже истина, или ее эквивалент, и с истиной научной или исторической он отнюдь не спорит – он дополняет их» [Уэллек, Уоррен, 1978, с. 207]. В этом и заключалось понимание сущности и значения мифа представителями романтического направления [Уэллек, Уоррен, 1978, с. 207; Соболев, 2017, с. 23].

Другой идеей, которая распространялась параллельно, выступала трактовка тезиса о принадлежности мифа и истории друг другу. Первым её высказал Иоганн Якоб Бахофен (1815–1887) [Бахофен, 1996; Bachofen, 1948, S. 10–17]. По его мнению, миф отображает неосознанные закономерности бессознательного, по причине чего невозможно понять ни начала, ни цели происходящего, если не знать мифические, священные истоки этого начала [Бахофен, 1996, с. 221–222]. Поэтому, как полагал основоположник теории матриархата, любое более глубокое познание древности должно начинаться с мифа, прежде чем оно станет утраченным [Бахофен, 1996, с. 221–222; Baumeier, 1960, S. 87].

Данная идея получила дальнейшую разработку в трудах З. Фрейда [Надеждин, 2011; Фрейд, 2016; Freud, 2005, S. 66–78] и К.Г. Юнга [Руткевич, 1999, с. 6; Юнг, 2010; 2017]. Оба определяли мифы символами сновидений, а сущность их рассматривали как результат коллективно-бессознательного отражения окружающей действительности [Morford, Lenardon, Sham, 2011, p. 4]. Из примитивной психологии выводил миф и Б. Малиновский, по мнению которого миф, многогранное и противоречивое явление, представлял собой феномен социального бытия, выражаемого в «переживаемой индивидом реальности» [Малиновский, 1998, с. 86–98; Андреева, 2016, с. 104; Андреева, 2018]. По этой причине миф является источником специфической, предназначенной для соблюдения ритуала информации [Андреева, 2018, с. 79].

Дж. Фрэзер разработал концепцию ритуального объяснения мифа [Андреева, 2018, с. 76–83]. При этом он исходил из популярной в его время обрядовой теории, согласно которой миф есть «примитивная наука». Миф, согласно Дж. Фрэзеру, не объяснял окружающую действительность прямым образом. Он объяснял ритуал, который выполнял основную социальную функцию в примитивном обществе [Андреева, 2017]. При этом мифотворчество он рассматривал вне контекста познания. Отдавая приоритет ритуалу, он отказывался усматривать в мифе исторические реалии, основанные на достоверных данных [Андреева, 2017]. Впрочем, эту позицию учёный не абсолютизировал и вполне допускал обратную трактовку. «Но хотя ... сказания несомненно являются легендарными, всё же вполне возможно и даже вероятно, что многие из них под мифической оболочкой содержат зерно истины» [Фрэзер, 1980, с. 96].

Начало подлинно научного изучения мифа связано с именем основоположника санскритологии Макса Мюллера. По его мнению, все мифы – аллегории и персонифицированные явления природы и общества. При этом миф не существует вне слова. Но не слова вообще, а древнего слова. В этом отношении он есть поздний домысел, паразитирующий на особенностях древнего языка [Мюллер, 1863, с. 1–8]. Вместе с этим учёный понимал (и принимал) идею развития, предпосылая т. н. мифическому периоду в истории человечества ещё два этапа (рождения языка (период образования слов); период образования диалектов) [Мюллер, 1863, с. 12–13]. Этот, третий по счёту, важный с точки зрения развития языка и мысли период он называл «мифопоэтическим» (мифическим) и считал, что только в его хронологических рамках происходило рождение мифов [Мюллер, 1863, с. 14–15]. Этот период он связывал с процессом перехода от глоттогенеза к этногенезу и потому

рассматривал миф как продукт создания человека на этом этапе его истории [Мюллер, 1863, с. 45–47].

Аналогичный подход использовали и лингвисты, в частности братья Я. и В. Гримм [Гримм, 2018, с. 137; Керашева, 2010]. Они широко использовали лингвистические методы при изучении мифологического сознания и были уверены, что формальная и семантическая реконструкция праязыка позволит пролить свет на глубинные тайны мифа [Ромашко, 2018, с. 13–16]. На таких же позициях трактовки сущности мифа находились и отечественные учёные Ф.И. Буслаев и А.А. Потебня [Воронцов, 2012, с. 91–95; Киндря, 2012, с. 82–87; Новиков, 2018, с. 207].

Таким образом, исследования мифа в науке XVIII–XIX вв. привели не только к формулировке основной задачи, но и способствовали разделению как тенденций, так и основных направлений его разработки на следующем этапе изучения проблемы. Главное же, что объединяло представления учёных на этом этапе, заключалось в представлении о мифе как особом типе мировоззрения, продукте человеческого воображения, присущем преимущественно архаическим культурам. В связи с этим он рассматривался в качестве донаучного, наивного способа объяснения человеком окружающего мира [Марулис, 2018, с. 151].

Такая постановка вопроса, равно как и систематика основных архетипов, лежащих в основе мифа, способствовала оформлению основных направлений изучения мифа и мифологии в европейской науке: мифологической школы братьев Гримм (А. Кун, А.А. Потебня и др.); антропологической или эволюционной школы Э. Тайлора (Э. Лэнг, Г. Спенсер и др.); исторической (кембриджской) школы классической филологии Д. Харрисона (Ф.М. Корнфорд, А.Б. Кук, Г. Марри); французской социологической школы Э. Дюркгейма (Л. Леви-Брюль) и структуралистской школы К. Леви-Стросса¹⁷. Разделение происходило и по принципу определения мифа как застывшей маргинальной традиции (Н.С. Автономова, Р. Барт, А.В. Гулыга, М. Хоркхаймер, Т. Адорно) и эвристического способа познания и преобразования мира (традиция ремифологизации Э.Я. Голосовкера, Э. Кассирера, А.Ф. Лосева, К. Хюбнера, М. Элиаде).

Уровни этого разделения были самыми разными, но они отображали стремление объяснить природу и сущность мифа. Историографически это прослеживается в появлении сциентистской (наукоцентрической) теории, роднящей миф и науку по целям, средствам и решаемым задачам. Та же самая тенденция характеризовала генезис неозволюционистских построений и ритуалистической теории, согласно которой миф рассматривался в качестве стенограммы взаимосвязанного с ним ритуала. Наконец, для понимания механизмов происхождения и эволюции мифологических представлений свои интерпретации предложили психоаналитики. Психо-субъективистские теории трактовали миф в качестве естественного порождения человеческой души и этим самым скатывались к давно преодоленным наукой идеям И. Канта [Климов, 2001].

«Эпоха социальных революций и мировых войн» внесла свою лепту в изучение мифологии и мифа. Этому способствовал каскад археологических открытий 2-й пол. XIX – начала XX вв. на Ближнем Востоке, в Малой Азии, островной и Балканской Греции, дополненный прорывными открытиями филологов востоковедов и античников на фоне прогресса в языкознании. Они обусловили применение междисциплинарного подхода и комплексных методов, обусловивших системное восприятие объекта и предмета в исследова-

¹⁷ Достижения лингвистов в сфере фонологии побудили К. Леви-Стросса распространить сугубо формальный подход на всю доисторическую культуру. Выявляя в мифах структурные инварианты, он показал, что мифологическое мышление является логично-образным, а миф представляет собой специфический код, в котором мифические персонажи играют роль знаков. Надо сказать, что К. Леви-Стросс при изучении мифа гипертрофировал роль формального подхода в ущерб семантическому. Он игнорировал специфику мифических, сказочных животных, растений, вещей, предметов, которым свойственны человеческая психика, человеческие способности, язык. См.: [Островский, 2000, с. 31; Ставицкий, 2018, с. 126–140].

нии мифа и мифологии [Исаков, 2019]. Это позволило, объединив положительные инструменты теории познания прошлого, преодолеть восприятие мифа в качестве отображения фантастических образов. Более того, нельзя не заметить появление отображающих сложность мифа как объекта и предмета исследования его трактовок. Одна из них рассматривала мифологическое мировоззрение в качестве совокупности представлений, основанных на эмоциональном восприятии действительности и вере фактам, которые изложены, но не подтверждены и основаны на догадках. Ей противостояла оценка, согласно которой миф – древнее представление о мире и результат его освоения. Существовало и мнение, объединявшее эти два подхода – теория «функциональной асимметрии» Э. Ланга [Ланг, 1901, с. 30].

Впрочем, следует заметить, что представление о фантастическом содержании мифологических данных не было преодолено полностью. Один из крупнейших и выдающихся специалистов в области идеологии античности А.Ф. Лосев писал: «Миф не есть историческое событие как таковое. Легче всего понять историю как ряд фактов, причинно связанных между собою. Для понимания мифа это дает чрезвычайно мало. Факты сами по себе глухи и немые. Факты непонятые даже не суть история. История всегда есть история понятых или понимаемых фактов...» [Лосев, 1991, с. 129]. Именно поэтому учёный призывал разделять обывательское (повседневное) значение термина «миф» от научного [Лосев, 1993, с. 49, 730]. Любое представление человека об окружающей действительности, по его мнению, отличается от неё самой и только в этом смысле оно – мифологично». Таковыми же с его точки зрения выступали представления в науке, искусстве, религии, философии и т. д.

Объединяющим моментом всех перечисленных концепций выступало невнимание к истории как источнику и условию зарождения мифа и генезису мифологии.

Одним из первых, кто применил исторический подход к решению вопроса в отечественной науке, был А.И. Немировский. «Миф, – писал он, – одна из форм истории» [Немировский, 2000, с. 389]. Эта мысль, высказанная выдающимся отечественным историком античности, предопределила современное состояние разработки проблемы в отечественной и зарубежной науке. Иными словами, концепция эвгемеризма, согласно которой миф есть повествование об исторических лицах и исторических событиях, возродилась в новых исторических условиях и на новом этапе развития исследований в области вскрытия закодированных в мифе исторических, географических, социальных и иных реалий далёкого исторического прошлого.

Современные публикации не оставляют сомнений в справедливости высказанной нами оценки. Она сформулирована в обобщающем тезисе, который с известной степенью абсолютизации объявляет миф, науку и религию тремя различными и равноправными явлениями, демаркационная линия между которыми лежит, с одной стороны, в плоскости соотношения веры и знания, а с другой – сходится на принципе отработки «неудобных» с точки зрения изначального образа (теории, догмата) фактов [Козолупенко, 2005; 2007; Крайнов, 2018, с. 236; Ставицкий, 2018, с. 238].

И тем не менее тенденция к выделению следов историчности, объективности и соответствия информации мифов на разных уровнях общественного сознания, этапах исторического развития древних обществ и в контексте отображавшего исторические реалии восприятия человеком окружающей действительности, особенно в науке последнего двадцатилетия, приобрела (как тенденция) необходимую устойчивость. Мифология как систематическое собрание первобытных знаний связывается специалистами с процессами культурно-, лингво- и этногенеза, в ходе развёртывания которых происходит взаимодействие материальных, художественных и духовных ценностей [Вейнберг, 1986; 1993; Финн, 2001, с. 273–274; Шартье, 2011, с. 6 и др.]. Впитавшая в себя результаты освоения мира, она формирует как практический опыт удовлетворения непосредственных материальных потребностей, так и, испытывая влияние групповых интересов, превращает их в важный фактор, определяющий роль и степень фантастического в структуре картины ми-

ра. Существующие взгляды, объясняющие данную закономерность степенью опыта и зрелости освоения мира, не совсем верно отображают существо вопроса. Решение задачи в смысле «чем больше, тем меньше» и наоборот – неверно.

Гораздо ближе к истине мнение тех исследователей, согласно которому в понимании данной проблемы следует учитывать сложившиеся возможности и трудности в объяснении человеком реалий и образов окружающего мира. Одни из них он мог объяснить легко, а объяснение других ставило его в тупик, из которого он находил выход, опираясь на диалектику труда-мышления и свой социальный, приобретённый на данном этапе, опыт. Данное правило работает при сопоставлении двух противоположных концепций. Вспомним взгляды М. Элиаде, согласно которым миф – это не просто конкретная история, но история, которая произошла вне времени, по причине чего она приобрела форму сакральной модели, проецирующей и объединяющей через ритуал трансцендентное прошлое и действительное настоящее [Элиаде, 2010, с. 16, 21–22]. Исследования же конкретных аспектов мифа, в частности географических и в особенности отображённых в эпической поэзии, показали прямую связь представлений, отображённых в литературных текстах с реальной действительностью. Убеждённость Александра Македонского и Г. Шлимана в достоверности свидетельств поэм Гомера в самое последнее время была подтверждена междисциплинарными исследованиями гомеровских ландшафтов в разных уголках Балканской Греции и Эгеиды. В частности, один из специалистов в данной области пришёл к убеждению, согласно которому «эпический миф имеет тесную связь с ландшафтом» [van Wijngaarden, 2011, р. 1–6]. В сочетании с аналогичными заключениями доминирующее положение в оценке данного аспекта получил тезис о способности мифопоэтического мышления отображать разнообразные картины мира, возникавшие в сознании архаического человека [Киндря, 2012, с. 82–87]. При этом определение мира рассматривается во взаимодействии человека и среды или как результат переработки информации о среде и человеке, содержащейся в картине мира [Киндря, 2012, с. 83]. Более того, как полагают отдельные учёные, мифологическое отождествление предполагает трансформацию объекта, которая происходит в конкретном пространстве и времени, поскольку первобытное мышление характеризует симбиоз прошедшего с настоящим [Киндря, 2012, с. 84, 86]. При этом последнее называется основной особенностью восприятия даже мифологического пространства [Пяткова, 2019, с. 26].

В самое последнее время в специальной литературе предложено решение проблемы, которое, отталкиваясь от достижений современной квантовой физики, предлагает рассматривать мифопоэтическое мировосприятие как один из основных типов человеческого мировосприятия, определённым образом структурирующих мир и предписывающих соответствующие правила поведения в этом мире, однако основывающихся на представлении об искривлении пространства и времени, наличии их начал и концов, что позволяет рассматривать их в качестве локальных и частных характеристик, уникальность которых основана на фундаментальных представлениях [Давыдова, 2019].

Такая фундаментальная идея эмпирическим путём была достигнута и высказана Г. Штумфохлем, который на основании исследования мифологических сюжетов о подвигах Геракла пришёл к заключению, согласно которому миф не нужно объяснять, поскольку он относится к области символических форм и даёт укороченный доступ к реальности, но не как религия, поэзия или сказка, а как имеющий отношение к основной и базовой структуре человеческой мысли [Stumfohl, 1992, S. 33–46]. «Миф, цель мифа, – указывал он, – состоит в повествовательном рассказе о прошлом современному поколению, чтобы нынешнее поколение могло усвоить его... Миф может быть понят как истинная история, ложная история, справедливая история, серьёзная история или тривиальная история...» [Stumfohl, 1992, S. 33]. Со ссылкой на П. Мунц он утверждает, что мифы имеют историческое происхождение, каким бы тривиальным ни было действительное событие, перерастающее в метафизическую теорию посредством мифического повествования [Stumfohl,

1992, S. 44]. На этом основании он приходит к заключению о возможности в трактовке мифа говорить о *Мифоистории* с большой буквы [Stumfohl, 1992, S. 44].

Должны быть отмечены и ещё два глубоких замечания автора. По его мнению, неизменность и истинность, на которые имплицитно претендует миф, при всех видоизменениях как в пространстве, так и во времени являются его основным качеством, которое остаётся архетипом или мериллом, с помощью которых оцениваются все другие реальности, поскольку миф устанавливает парадигму. С другой стороны, как полагал учёный, древние исторические воспоминания, закодированные в форме мифа, при всей их фантастической образности и маловероятных сюжетах являются сущностно-историографическими по замыслу [Stumfohl, 1992, S. 37]. Полезно отметить, что автор также придерживается теории современной квантовой физики. В полном соответствии с её постулатами он пишет: «Может быть, полезно предположить, что история и миф, поскольку они затрагивают Память народа, действительно служат остановке, если не обращению вспять её траектории или, как полагают интуитивно, делают это для того, чтобы прошлое, мифическое или историческое, могло быть рассмотрено, пережито и вспомнено в радикальном смысле «возвращения назад» [Stumfohl, 1992, S. 40].

Подведём итоги. В XIX в. возник новый подход к пониманию значения мифа в культурном развитии человечества – миф есть необходимая ступень в развитии сознания (И. Кант, Ф. Шеллинг, Э. Кассирер). В современной науке значение мифа трактуется преимущественно в двух значениях: как совокупность исторических заблуждений человечества и как одно из высших проявлений поэтичности человеческого разума. Такое понимание значения мифа приводит нас к серьёзному выбору подхода к наиболее вероятной интерпретации мифа, так как зачастую миф является единственным источником сведений о древнейших этносах той или иной цивилизации. Мифы – это истории, основанные на традиции. Одни из них в зависимости от выполняемой задачи отражают историческую реальность, другие являются полностью вымышленными [Вуд, 2018]. Но в любом случае они выступают маркером-определителем культурной и этнической идентичности [Ставицкий, 2019]. Последнее выявлено в содержании гомеровских поэм, изучение структуры которых позволило вывести заключение о присутствии в них интереса к истории. На этом основании считается, что «сам факт создания текста поэм на основе более древних эпических преданий свидетельствует о присутствии в сознании грека гомеровской эпохи понимания ценности прошлого для настоящего, а также и самой истории как знания о прошлом, хотя и основанном на мифе» [Лебедева, 2016, с. 220].

Характеризуя сущность мифа и мифологии, следует иметь в виду ещё одно важное обстоятельство. Оно связано с наличием в его структуре самых разных уровней, важнейшими из которых называются сакральный, воображаемый и антропоморфный. В своём переплетении они-то и составляют пространственное измерение его информационных «полей». Древние греки не воспринимали их сразу. На каждом из этапов исторического развития своего общества они усматривали в мифе только один из них, но во всём его взаимодействии как с другими уровнями и их отдельными их элементами, так и в преодолении их. На этом основании специалисты пришли к заключению, согласно которому трёхчастная конструкция структуры мифа не только формирует отложившуюся в нём историческую информацию, но и помимо всего остального (и это особенно важно) выступает инструментом понимания отложившихся в нём способов восприятия и объяснения окружающей действительности [Cole, 2004, p. 67]. «Мифы, – писал в своё время М. Финли, – бесспорно, содержат исторические измерения (конкретные имена, учреждения, факты и объекты). Поэтому самые ранние рассуждения греков о своём прошлом выражены в мифолого-легендарных и генеалогических историях» [Finley, 1965, p. 292].

Таким образом, смысл и сущность мифа нужно выводить из него самого. Миф – повествование, передающее господствующие представления в обществе об истории людей и

их происхождении. Весьма чётко по данному вопросу высказался К. Кереньи: «Миф – это давняя история, некогда пережитая предками и дошедшая до потомков [Кереньи, 2000, с. 271]».

Выводы

Рассмотренные нами аспекты исследования мифа в специальной литературе позволяют вывести заключение, согласно которому он представляет собой специфический по своему содержанию, многослойный и многоуровневый, разноаспектный по затрагиваемым сюжетам, развивающийся в пространстве и во времени рассказ-историю или рассказ по истории, который отображает господствующие представления архетипического восприятия действительности в мифопоэтическом сознании.

Миф – древнейшая форма идентификации, способ прагматико-эмпирического и ассоциативного объяснения окружающей действительности и средство достижения цели по её освоению. В этом смысле миф – иносказательно выраженный социальный опыт и «средство коммуникации».

Соединяя в себе историческую реалию и её художественный образ, а также воплощённые в них (и проистекающие из них) представления, миф создаёт матрицу – мнемон виртуального мира, сущность которого определяется основными элементами его конструкции – диалектикой мнимых и реальных истин. В этом смысле миф, как арсенал и почва, всегда конкретен и историчен. И именно по этой причине для преобладающего большинства древних греков эпохи классики (и не только) мифы были не только арсеналом и почвой, но и древнейшей историей их народа.

Список литературы

- Андреев Ю.В. 1990. Поэзия мифа и проза истории. Л., Наука, 221.
- Андреева В.Н. 2016. Миф как «переживаемая реальность» в концепции Б. Малиновского. В: Царскосельские чтения. Т. 1. № XX: 102–106.
- Андреева Н.С. 2017. Миф как «Словесный слепок» ритуала. В: Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. № 1: 116–121.
- Андреева Н.С. 2018. Магия – ритуал – миф в теориях культуры (Дж. Фрэйзер и Б. Малиновский). Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. № 1: 76–83.
- Архипцев Ф.Т. 1974. Творческая природа человеческого сознания. В: Вопросы философии. № 5: 55–64.
- Бахофен И. 1996. Материнское право. Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 1. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М., Канон+, 496.
- Вейнберг И.П. 1986. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока. М., Наука, 208.
- Вейнберг И.П. 1993. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. М., Наука, 350.
- Воронцов В.А. 2012. Археология мифа и слова. В: Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 1: 91–95.
- Воронцов В.А. 2012. Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социо-культурогеза. Казань, Яз, 416.
- Вуд М. 2018. Что есть миф. Миф в истории, политике, культуре. В: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017 г., г. Севастополь). Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе: 37–38.
- Грейвс Р. 1992. Мифы Древней Греции. М., Прогресс, 620.
- Гримм Я. 2018. Германская мифология. Т. 1. М., ЯСК, 926.
- Давыдова М.Ю. 2019. Мифологическое пространство и время. URL: <http://dspace.nbu.v.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74334/31Davydova.pdf?sequence=1> (дата обращения 8.06.2019).

- Доманина С.А., Хазина А.В. 2017. История и миф, или миф в истории: из опыта преподавания авторского курса «Сравнительная мифология». В: Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 2: 206–209.
- Исаков Е.А. 2019. Миф как феномен социального бытия в философии мифологии XX века. URL: https://lib.herzen.spb.ru/text/isakov_120_91_96.pdf (дата обращения 4.06.2019).
- Керашева Ф.Н. 2010. Братья Гримм в развитии германской мифологии. В: Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 3: 21–24.
- Кереньи К. 2000. Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. М., Рефл-бук: 271.
- Киндря Н.Я. 2012. Мифопоэтическое мышление как отражение картины мира архаичного человека. В: Грамота. № 8 (22). Ч. II: 82–87.
- Клейн Л.С. 2014. Археологическая песнь о Нибелунгах (Hedeager L. Iron Age myth and materiality: An archaeology of Scandinavia AD 400–1000. London and New York, Routledge, 2011. 287 p.). В: Российский археологический ежегодник. № 4: 582–588.
- Козолупенко Д.П. 2005. Миф на гранях культуры. М., Канон, 212.
- Козолупенко Д.П. 2009. Анализ мифопоэтического мировосприятия. В: Epistemology & Philosophy of Science. № 2, 1–9: 190–197.
- Козолупенко Д.П. 2012. О специфике «древней» или «примитивной» мифологии: поэтический и социально-психологический подходы в изучении мифов. В: Философия и культура. № 8 (56): 69–85.
- Крайнов Г.Н. 2018. Мифы и историческая память. В: Миф в истории, политике, культуре. Вып. 1. Симферополь: 34–37.
- Круглов Е.А. 2006. Культ Аполлона Тельмесского (каролийские истоки эллинистического учения Эвгемера). В: Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Отв. ред. Э.Д. Фролов. Вып. 5: 363–374.
- Ланг Э. 1901. Мифология. М., Книжное дело, 209.
- Лебедева Ю.И. 2016. Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея». В: Ярославский педагогический вестник. № 4: 216–222.
- Лосев А.Ф. 1991. Философия. Мифология. Культура. М., Политиздат, 525.
- Лосев А.Ф. 1993. Очерки античного символизма и мифологии. М., Мысль, 730.
- Малиновский Б. 1998. Магия, наука, религия. М., Рефл-бук, 304.
- Манзура И.В. 1997. Археология основного мифа. В: Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб.: 26–46.
- Марулис Д. 2018. История определения античной греческой мифологии. В: Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 1 (212): 151–162.
- Махинин А.Н. 2018. Этнокультурная идентичность в пространстве мифов и стереотипов. В: Миф в истории, политике, культуре. Севастополь: 48–53.
- Мюллер М. 1863. Сравнительная мифология. М., Тип. Грачева и К°, 122.
- Наеждин Н. 2011. Зигмунд Фрейд. За гранью сознания. М., Майор, 192.
- Немировский А.И. 1986. Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, ВГУ, 350.
- Немировский А.И. 2000. Мифы Древности. Научно-художественная энциклопедия. Эллада. М., Лабиринт, 380.
- Немировский А.И. 2004. Мифы и легенды народов мира. Т. 1. Древняя Греция. М., Литература; Мир книги, 496.
- Новиков М.В. 2018. Концепция мифа Ф.И. Буслаева. В: Ярославский педагогический вестник. № 3: 207–218.
- Островский А.Б. 2000. Обоснование антропологии мышления. В: Леви-Стросс К. Путь масок. М., Республика: 3–18.
- Пяткова Н.Л. 2008. Некоторые особенности восприятия мифологического пространства. В: Вопросы археологии Урала. Вып. 25, 26: 26–29.
- Ромашко С.А. Как мифология стала германской. В: Гримм Я. Германская мифология. Т. 1. М., ЯСК: 7–23.
- Руткевич А.М. 1999. Жизнь и воззрения К.Г. Юнга. В: Юнг К.Г. Архетип и символ. М., Ренессанс: 3–21.
- Сазонова З.Н. 2006 Миф и история: эволюция взаимовлияния. INTER-CULTUR@L-NET. Вып. 5. URL: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/93/> (дата обращения 2.05.2019).

- Ставицкий А.В. 2002. Наука и миф: некоторые проблемы взаимоотношения. В: Культура народов Причерноморья. № 33: 200–205.
- Ставицкий А.В. 2018. Миф в историческом поле культуры: психологический аспект. В: Миф в истории, политике, культуре. Севастополь: 238–240.
- Ставицкий А.В. 2018. Структура мифа по К. Леви-Строссу: опыт несостоятельного. В: Вопросы психолингвистики. № 1 (35): 126–140.
- Токарев С.А., Мелетинский Ю.М. 1987. Мифология. В: Мифы народов мира. Т. 1. М., Советская энциклопедия: 14–16.
- Топоров В.Н. 1977. История и мифы. В: Мифы народов мира. Т. 1. М., Советская энциклопедия: 13–14.
- Уэллек Р., Уоррен О. 1978. Теория литературы. М., Прогресс, 207.
- Финн В.К. 2001. Интеллектуальные системы и общества М., РГГУ, 352.
- Фрейд З. 2016. Психология масс и анализ человеческого Я. М., АСТ, 192.
- Фрэзер Дж. 1980. Золотая ветвь. М., Политиздат, 832.
- Хайдеггер М. 2013. Бытие и время. М., Академический проект, 452.
- Цыганков А.С. 2015. Миф как форма интерпретации истории (социально-философский анализ). Дисс. канд. филос. наук. М., 176.
- Шартье Р. 2006. Письменная культура и общество. М., Новое издательство, 272.
- Элиаде М. 2010. Аспекты мифа. М., Академический проспект, 252.
- Юнг К.Г. 2010. Психология бессознательного. М., Когито-Центр, 180.
- Юнг К.Г. 2017. Человек и его символы. М., Серебряные нити, 448.
- Bachofen J.J. 1948. Der Mythos als Quelle geschichtlicher Erkenntnis. In: Das Mutterrecht. Bd. 2, 1. Basler: 10–17.
- Baumler A. 1960. Bachofens romantische Deutung des Altertums. München, 387.
- Ben-Yehuda N. 2002. Sacrificing Truth: Archaeology and The Myth of Masada. Available at: http://www.bibleinterp.com/articles/ben-yehuda_masada.shtml (accessed 5 May 2019).
- Burkert W. 1999. Antike Mythen in der europäischen Tradition. Tübingen, Attempto, 303.
- Buxton R. 1994. Imaginary Greece, the Contexts of Mythology. Cambridge, UP, 250.
- Cole S.G. 2004. Landscapes, Gender, and Ritual space. The Ancient Greek Experience. Berkeley, XVIII+292.
- Finley M. 1965. Myth, Memory and history. In: History and Theory. Vol. 4 (3): 281–302.
- Freud S. 2005. Massenpsychologie und Ich-Analyse. In: Die Zukunft einer Illusion. Frankfurt-on-Main: 66–78.
- Gehrke H.-J. 2013. Griechische Mythen als Geschichte der Griechen. In: Motive–Formen–Strukturen: 37–64.
- Gehrke H.-J. 2014. Geschichte als Element antiker Kultur: Die Griechen und ihre Geschichte (n). Berlin; Boston, 158.
- Heehs P. Myth, History, and Theory. In: History and Theory. Vol. 33. No. 1: 1–19.
- Middleton G.D. 2002. Mycenaean, Greeks, Archaeology and Myth: Identity and the Uses of Evidence in the Archaeology of Late Bronze Age Greece. In: Eras Journal. Available at: <https://www.monash.edu/arts/philosophical-historical-international-studies/eras/past-editions/edition-three-2002-june/eras-journal-middleton-g-abstract> (accessed 30 April 2019).
- Morford M.P.O., Lenardon R.J., Sham M. 2011. Classical Mythology. Oxford; New York, UP, 841.
- Stumfohl H. 1992. Die Wanderungen des Herakles I + II. In: Almqvaren. No. 22: 33–61.
- van Wijngaarden G.J. 2011. Immaterial landscapes: Homeric geography and the Ionian Islands in Greece. In: Quaternary International. Vol. 30: 1–6.
- Wyatt N. 2010. The Archaeology of Myth. London, 192.

References

- Andreev Yu.V. 1990. Poeziya mifa i proza istorii [Poetry of myth and prose of history]. Leningrad, Nauka, 221 (in Russian).
- Andreeva N.S. 2017. Mif kak «Slovesnyj slepok» ritual [Myth as a «Verbal cast» of the ritual]. In: Vestnik LGU im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. № 1: 116–121 (in Russian).

- Andreeva N.S. 2018. Magiya – ritual – mif v teoriyah kul'tury (Dzh. Frezer i B. Malinovskij) [Magic – ritual – myth in theories of culture (J. Fraser and V. Malinovsky)]. In: Vestnik LGU im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. № 1: 76–83 (in Russian).
- Andreeva V.N. 2016. Mif kak «perezhivaemaya real'nost'» v koncepcii B. Malinovskogo [Myth as «experienced reality» in the concept of V. Malinovsky]. In: Carskosel'skie chteniya [Tsarskoye Selo readings]. T. 1. № XX: 102–106 (in Russian).
- Arhptcev F.T. 1974. Tvorcheskaya priroda chelovecheskogo soznaniya [The creative nature of human consciousness]. In: Voprosy filosofii [Philosophy questions]. № 5: 55–64 (in Russian).
- Bahofen I. 1996. Materinskoe pravo. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya. T. 1. Sost. i obshch. red. A.N. Krasnikova [Maternal law. Classics of world religious studies. Anthology. T. 1. Compilation and general edition A.N. Krasnikov]. Moscow, Kanon+, 496 (in Russian).
- Vejnberg I.P. 1986. CHelovek v kul'ture Drevnego Blizhnego Vostoka [Man in the culture of the Ancient Near East]. Moscow, Nauka, 208 (in Russian).
- Vejnberg I.P. 1993. Rozhdenie istorii. Istoricheskaya mysl' na Blizhnem Vostoke serediny I tysyacheletiya do n. e. [The birth of history. Historical Thought in the Middle East of the Middle and Millennium B. C.]. Moscow, Nauka, 350 (in Russian).
- Voroncov V.A. 2012. Arheologiya mifa i slova [Archeology of myth and word]. In: Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts]. № 1: 91–95 (in Russian).
- Voroncov V.A. 2012. Genesis yazyka, skazki i mifa v kontekste antropo-socio-kul'turogeza [Genesis of language, fairy tales and myth in the context of anthropo-socio-cultural genesis]. Kazan', Yaz, 416 (in Russian).
- Vud M. 2018. Chto est' mif. Mif v istorii, politike, kul'ture [That there is a myth. A myth in history, politics, culture]. In: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj zaochnoj konferencii (noyabr' 2017 g., g. Sevastopol') [Collection of materials of the I International scientific interdisciplinary correspondence conference (November 2017, Sevastopol)]. Sevastopol', Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole: 37–38 (in Russian).
- Grejvs R. 1992. Mify Drevnej Grecii [Ancient Greece myths]. Moscow, Progress, 620 (in Russian).
- Grimm Ya. 2018. Germanskaya mifologiya [Germanic mythology]. T. 1. Moscow, YaSK, 926 (in Russian).
- Davydova M.Yu. 2019. Mifologicheskoe prostranstvo i vremya [Mythological space and time]. Available at: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/74334/31Davydova.pdf?sequence=1> (accessed 8 June 2019) (in Russian).
- Domanina S.A., Hazina A.V. 2017. Istoriya i mif, ili mif v istorii: iz opyta prepodavaniya avtorskogo kursa «Srvnitel'naya mifologiya» [History and myth, or myth in history: from the experience of teaching the author's course «Comparative mythology»]. In: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. named after N.I. Lobachevsky]. № 2: 206–209 (in Russian).
- Isakov E.A. 2019. Mif kak fenomen social'nogo bytiya v filosofii mifologii XX veka [Myth as a phenomenon of social life in the philosophy of mythology of the XXth century]. Available at: https://lib.herzen.spb.ru/text/isakov_120_91_96.pdf (accessed 4 June 2019) (in Russian).
- Kerasheva F.N. 2010. Brat'ya Grimm v razvitii germanskoj mifologii [The brothers Grimm in the development of Germanic mythology]. In: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism]. № 3: 21–24 (in Russian).
- Keren'i K. 2000. Elevsin. Arhetipicheskij obraz materi i docheri [Eleusis. Archetypal image of mother and daughter]. Moscow, Refl-buk, 271 (in Russian).
- Kindrya N.Ya. 2012. Mifopoeticheskoe myshlenie kak otrazhenie kartiny mira arhaichnogo cheloveka [Mythopoetic thinking as a reflection of the picture of the world of an archaic person]. In: Gramota [Diploma]. № 8 (22). Part. II: 82–87 (in Russian).
- Klejn L.S. 2014. Arheologicheskaya pesn' o Nibelungah (Hedeager L. Iron Age myth and materiality: An archaeology of Scandinavia AD 400–1000. London and New York: Routledge, 2011. 287 p.) [Archaeological Song of the Nibelungs (Hedeager L. Iron Age myth and materiality: An archaeology of Scandinavia AD 400–1000. London and New York: Routledge, 2011. 287 p.)]. In:

- Rossijskij arheologičeskij ezhegodnik [Russian archaeological yearbook]. № 4: 582–588 (in Russian).
- Kozolupenko D.P. 2005. Mif na granyah kul'tury [A myth on the verge of culture]. Moscow, Kanon, 212 (in Russian).
- Kozolupenko D.P. 2009. Analiz mifopoetičeskogo mirovospriyatiya [Analysis of mythopoetic worldview]. In: Epistemology & Philosophy of Science [Epistemology and Philosophy of Science]. № 2, 1–9: 190–197 (in Russian).
- Kozolupenko D.P. 2012. O specifiķe «drevnej» ili «primitivnoj» mifologii: poetičeskij i social'no-psihologičeskij podhody v izučenii mifov [On the specifics of «ancient» or «primitive» mythology: poetic and socio-psychological approaches to the study of myths]. In: Filosofiya i kul'tura [Philosophy and culture]. № 8 (56): 69–85 (in Russian).
- Krajnov G.N. 2018. Mify i istoričeskaya pamyat'. Mif v istorii, politike, kul'ture [Myths and historical memory. Myth in history, politics, culture]. Issue 1. Simferopol': 34–37 (in Russian).
- Kruglov E.A. 2006. Kul't Apollona Tel'messkogo (karo-likijskie istoki ellinističeskogo učenija Evģemera) [The cult of Apollo of Telmes (Caro-Lycian origins of the Hellenistic teachings of Eugeger)]. In: Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antičnogo mira. Otv. red. E.D. Frolov [Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antičnogo mira. Contributing editor E.D. Frolov]. Issue. 5: 363–374 (in Russian).
- Lang E. 1901. Mifologiya [Mythology]. Moscow, Knizhnoe delo, 209 (in Russian).
- Lebedeva Yu.I. 2016. Predstavleniya drevnih grekov o prostranstve i vremeni po poemam «Iliada» i «Odiseya» [Ancient Greeks' ideas about space and time based on the poems «Iliad» and «Odyssey»]. In: YAroslavskij pedagogičeskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. № 4: 216–222 (in Russian).
- Losev A.F. 1991. Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura [Philosophy. Mythology. The culture]. Moscow, Politizdat, 525 (in Russian).
- Losev A.F. 1993. Očerki antičnogo simbolizma i mifologii [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow, Mysl', 730 (in Russian).
- Ben-Yehuda N. 2002. Sacrificing Truth: Archaeology and The Myth of Masada. Available at: http://www.bibleinterp.com/articles/ben-yehuda_masada.shtml (accessed 5 May 2019).
- Malinovskij B. 1998. Magiya, nauka, religiya [Magic, science, religion]. Moscow: Refl-buk, 304 (in Russian).
- Manzura I.V. 1997. Arheologiya osnovnogo mifa [Archeology of the main myth]. In: Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simbolicheskoj indoevropejskoj istorii [Stratum: Structures and Catastrophes. Collection of Symbolic Indo-European History]. St. Petersburg: 26–46 (in Russian).
- Marulis D. 2018. Istoriya opredeleniya antičnoj grečeskoj mifologii [The history of the definition of ancient Greek mythology]. In: Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism]. № 1 (212): 151–162 (in Russian).
- Mahinin A.N. 2018. Etnokul'turnaya identičnost' v prostranstve mifov i stereotipov [Ethnocultural identity in the space of myths and stereotypes]. In: Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in history, politics, culture]. Sevastopol': 48–53 (in Russian).
- Myuller M. 1863. Sravnitel'naya mifologiya [Comparative mythology]. Moscow, Tip. Gracheva i K°, 122 (in Russian).
- Nadezhdin N. 2011. Zigmund Frejd. Za gran'yu soznaniya [Sigmund Freud. Beyond consciousness]. Moscow, Major, 192 (in Russian).
- Nemirovskij A.I. 1986. Klio: U istokov istoričeskoj mysli [Clio: At the Origins of Historical Thought]. Voronezh, VGU, 350 (in Russian).
- Nemirovskij A.I. 2000. Mify Drevnosti. Naučno-hudožestvennaya enciklopediya. Ellada [Ancient Myths. Scientific and artistic encyclopedia. Hellas]. Moscow, Labirint, 380 (in Russian).
- Nemirovskij A.I. 2004. Mify i legendy narodov mira. T. 1. Drevnyaya Greciya [Myths and legends of the peoples of the world. T. 1. Ancient Greece]. Moscow, Literatura; Mir knigi, 496 (in Russian).
- Novikov M.V. 2018. Koncepciya mifa F.I. Buslaeva [The concept of the myth by F.I. Buslaeva]. Yaroslavskij pedagogičeskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. № 3: 207–218 (in Russian).
- Burkert W. 1999. Antike Mythen in der europäischen Tradition. Tübingen, Attempto, 303.

- Ostrovskij A.B. 2000. Obosnovanie antropologii myshleniya [Rationale for the Anthropology of Thinking]. In: Levi-Stros K. Put' masok [Levi-Strauss K. Path of masks]. Moscow, Respublika: 3–18 (in Russian).
- Pyatkova N.L. 2008. Nekotorye osobennosti vospriyatiya mifologicheskogo prostranstva [Some features of the perception of mythological space]. In: Voprosy arheologii Urala [Archeological issues of the Urals]. Issue. 25, 26: 26–29 (in Russian).
- Romashko S.A. Kak mifologiya stala germanskoj [How mythology became Germanic]. In: Grimm Ya. Germanskaya mifologiya. T. 1 [Grimm J. Germanic mythology. T. 1]. Moscow: YaSK: 7–23 (in Russian).
- Rutkevich A.M. 1999. Zhizn' i vozzreniya K.G. Yunga [The life and views of K.G. Jung]. In: Yung K.G. Arhetip i simvol [Jung K.G. Archetype and symbol]. Moscow, Renessans: 3–21 (in Russian).
- Sazonova Z.N. 2006 Mif i istoriya: evolyuciya vzaimovliyaniya. In: INTER-CULTUR@L-NET. Issue 5. Available at: <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/93/> (accessed 2 May 2019) (in Russian).
- Buxton R. 1994. Imaginary Greece, the Contexts of Mythology. Cambridge, UP, 250.
- Stavickij A.V. 2002. Nauka i mif: nekotorye problemy vzaimootnosheniya [Science and Myth: Some Relationship Problems]. In: Kul'tura narodov Prichernomor'ya [Culture of the peoples of the Black Sea region]. № 33: 200–205 (in Russian).
- Stavickij A.V. 2018. Mif v istoricheskom pole kul'tury: psihologicheskij aspekt [Myth in the historical field of culture: psychological aspect]. In: Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in history, politics, culture]. Sevastopol': 238–240 (in Russian).
- Stavickij A.V. 2018. Struktura mifa po K. Levi-Strosu: opyt nesostoyatel'nogo [The structure of the myth according to K. Levi-Strauss: the experience of the untenable]. Voprosy psiholingvistiki [Psycholinguistic issues]. № 1 (35): 126–140 (in Russian).
- Tokarev S.A., Meletinskij Yu.M. 1987. Mifologiya [Mythology]. In: Mify narodov mira. T. 1 [Myths of the peoples of the world. T. 1]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya: 14–16 (in Russian).
- Toporov V.N. 1977. Istoriya i mify [History and myths]. In: Mify narodov mira. T. 1 [Myths of the peoples of the world. T. 1]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya: 13–14 (in Russian).
- Uellek R., Uorren O. 1978. Teoriya literatury [Literary theory]. Moscow, Progress, 207 (in Russian).
- Finn V.K. 2001. Intellekturnye sistemy i obshchestva [Intelligent systems and societies]. Moscow, RGGU, 352 (in Russian).
- Frejd Z. 2016. Psihologiya mass i analiz chelovecheskogo Ya [Psychology of the masses and analysis of the human self]. Moscow, AST, 192 (in Russian).
- Frezer Dzh. 1980. Zolotaya vetv' [Golden bough]. Moscow, Politizdat, 832 (in Russian).
- Hajdegger M. 2013. Bytie i vremya [Being and time]. Moscow, Akademicheskij proekt, 452 (in Russian).
- Cygankov A.S. 2015. Mif kak forma interpretacii istorii (social'no-filosofskij analiz) [Myth as a form of history interpretation (socio-philosophical analysis)]. Dissertation of Cand. Philos. sciences. Moscow, 176 (in Russian).
- Shart'e R. 2006. Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo [Written culture and society]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 272 (in Russian).
- Eliade M. 2010. Aspekty mifa [Aspects of the myth]. Moscow, Akademicheskij prospekt, 252 (in Russian).
- Yung K.G. 2010. Psihologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the unconscious]. Moscow, Kogito-Centr, 180 (in Russian).
- Yung K.G. 2017. Chelovek i ego simvol [Man and his symbols]. Moscow, Serebryanye niti, 448 (in Russian).
- Bachofen J.J. 1948. Der Mythos als Quelle geschichtlicher Erkenntnis. In: Das Mutterrecht. Bd. 2, 1. Basler: 10–17.
- Baeumler A. 1960. Bachofens romantische Deutung des Altertums. München, 387.
- Ben-Yehuda N. 2002. Sacrificing Truth: Archaeology and The Myth of Masada. Available at: http://www.bibleinterp.com/articles/ben-yehuda_masada.shtml (accessed 5 May 2019).
- Burkert W. 1999. Antike Mythen in der europäischen Tradition. Tübingen, Attempto, 303.
- Buxton R. 1994. Imaginary Greece, the Contexts of Mythology. Cambridge, UP, 250.
- Cole S.G. 2004. Landscapes, Gender, and Ritual space. The Ancient Greek Experience. Berkeley, XVIII+292.
- Finley M. 1965. Myth, Memory and history. In: History and Theory. Vol. 4 (3): 281–302.

- Freud S. 2005. Massenpsychologie und Ich-Analyse. In: Die Zukunft einer Illusion. Frankfurt-on-Main: 66–78.
- Gehrke H.-J. 2013. Griechische Mythen als Geschichte der Griechen. In: Motive–Formen–Strukturen: 37–64.
- Gehrke H.-J. 2014. Geschichte als Element antiker Kultur: Die Griechen und ihre Geschichte (n). Berlin; Boston, 158.
- Heehs P. Myth, History, and Theory. In: History and Theory. Vol. 33. No. 1: 1–19.
- Middleton G.D. 2002. Mycenaean, Greeks, Archaeology and Myth: Identity and the Uses of Evidence in the Archaeology of Late Bronze Age Greece. In: Eras Journal. Available at: <https://www.monash.edu/arts/philosophical-historical-international-studies/eras/past-editions/edition-three-2002-june/eras-journal-middleton-g-abstract> (accessed 30 April 2019).
- Morford M.P.O., Lenardon R.J., Sham M. 2011. Classical Mythology. Oxford; New York, UP, 841.
- Stumfohl H. 1992. Die Wanderungen des Herakles I + II. In: *Almogaren*. No. 22: 33–61.
- van Wijngaarden G.J. 2011. Immaterial landscapes: Homeric geography and the Ionian Islands in Greece. In: *Quaternary International*. Vol. 30: 1–6.
- Wyatt N. 2010. The Archaeology of Myth. London, 192.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Писаревский Николай Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay P. Pisarevsky, Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Archeology and Ancient History, Voronezh State University, Voronezh, Russia